Два дня спустя во время их первого класса «Защита от темных искусств» Гарри почувствовал, что он откуда-то знал Люпина. Новый профессор, казалось, не знал о пристальном внимании Гарри и не терял времени, прыгая прямо на уроки.

«Может ли кто-нибудь сказать мне, как выглядит боггарт?» — спросил он, когда класс стоял вокруг шкафа, который зловеще трясся.

«Никто не знает». Неудивительно, что у Гермионы был ответ. «Боггарты — оборотни. Они принимают форму того, чего конкретный человек боится больше всего». Рон

хныкал, без сомнения, думая о пауках. Разум Гарри не сразу перепрыгнул к какой-то одной конкретной вещи. По крайней мере, не то, что боггарт мог бы легко принять форму. Его настоящим страхом была потеря, потеря друзей, которых он действительно знал только в течение короткого времени, и потеря кого-либо еще, о

ком он заботился, который, кроме Рона, Гермионы и Джинни, действительно состоял только из Хедвиг, Альдоры и Корнелиуса. Хотя, как он полагал, остальные Уизли

также быстро были причислены к ним. Люпин научил их заклинанию победить боггарта, а точнее покорить его, потому что убить боггарта должно было быть довольно

сложно. К счастью, они легко запутались, и существовало простое заклинание, которое могло помочь в этом, хотя то, что действительно закончило боггарт, как им

сказали, было смехом; вы должны были найти способ превратить свой страх во что-то смешное. Он заставил их всех выстроиться в линию, и один за другим каждый

ученик столкнулся с боггартом. Было интересно посмотреть, чего боится каждый из его одноклассников. Рон был, как и ожидалось, гигантским пауком, которого он

развеял, заставив его потерять ноги. Шеймус был банши, который потерял голос, Падма — мумия, которую она сделала по своим собственным бинтам, в то время как Невилл был профессором Снейпом, которому он изменил гардероб, заставив его носить одежду своей бабушки. Даже смеясь при виде профессора страшных зелий, носящего шляпу с чучелом птицы на ней и несущего сумочку, Гарри, Рон и Гермиона знали, что это не пройдет хорошо во время их следующего урока окклюменции, когда Снейп увидел это в их умах. Гермиона была следующей, и Гарри предположил, что ее тоже было так же предсказуемо, как и у Рона. Профессор Макгонагалл предстала перед ними с стопкой эссе с неудовлетворительными оценками, когда она начала кричать на Гермиону, что она провалила все. Большинство членов класса

считали это смешным само по себе, с чем Гарри и Рон не могли полностью не согласиться, и были разочарованы, когда Гермиона превратила его в стопку эссе с проходными оценками, съедающими стопку с неудачными. Наконец настала очередь Гарри, и хотя он все еще не был уверен, во что превратится его боггарт, он не ожидал появления перед ним дементора в капюшоне. Однако это продолжалось всего секунду, и Гарри даже не успел поднять свою палочку, прежде чем Люпин

прыгнул перед ним, заставив дементора исчезнуть, а на его месте появился белый светящийся шар.

"Риддикулус!». Шар перестал светиться и превратился в воздушный шар, который потерял свой воздух, пролетев вокруг на мгновение, прежде чем Люпин изгнал его

обратно в шкаф, в котором он жил. «Спасибо всем, это будет все на сегодня». Те, кто еще не ушел, стонали, на самом деле искренне наслаждаясь классом защиты

впервые с тех пор, как они вошли в Хогвартс. Сделав то, что сказал их профессор, они собрали вещи и начали выходить из класса. Гарри, однако, не сдвинулся со

своего места, глядя на то, где дементор был несколько мгновений назад. Рон и Гермиона тоже откинулись назад, обеспокоенно глядя на свою подругу.

«W-почему ты вмешался?» Гарри наконец нашел свой голос и повернулся к профессору. Люпин поднял бровь.

«Я бы подумал, что это было очевидно, Гарри. Я предполагал, что боггарт примет облик лорда Волан-де-Морта». Он сказал, и рот Гарри раскрылся в шоке, не из-за

того, что Люпин считал его самым большим страхом, а потому, что он сказал имя Волан-де-Морта. Единственный человек, которого Гарри знал, что не боялся использовать его, был Дамблдор, и это включало всех иностранных высокопоставленных лиц, которых он встречал на протяжении многих лет, которые приехали из стран, которые были лишь минимально затронуты последней войной. Охват Волан-де-Морта был огромен, у него были сторонники Пожирателя Смерти в десятках

стран, но нельзя отрицать, что Великобритания была его основным фокусом, и многие страны за рубежом только читали о войне, а не жили ею. Тем не менее, историй было достаточно, чтобы напугать их, и ни один человек из другой страны, с которым встречался Гарри, на самом деле не использовал имя Волан-де-Морта. «Я не думал, что лорду Волан-де-Морту было бы хорошей идеей материализоваться в классе». Люпен продолжил. «Я представлял, что люди будут паниковать».

«Я даже не думал о Волан-де-Морте». Гарри признался, что это было правдой. Он боялся, что может сделать Волан-де-Морт, какую смерть и разрушения он может причинить, но он не боялся самого человека. «Мой самый большой страх — потерять людей, о которых я забочусь». Он взглянул на Рона и Гермиону. «Но потом

появился этот дементор...»

«Ну, хорошо... Я впечатлен». Люпин улыбнулся, а Гарри продолжал выглядеть удивленным. «Это говорит о том, что то, чего вы боитесь больше всего, — это сам

страх. Очень мудро.» Гарри кивнул, и Люпин отправил их на следующий урок.

В последующие недели классы профессора Люпена продолжали оставаться одними из самых высоких во всей школе. Хотя всегда было несколько диссидентов, таких

как Малфой, большинство студентов, независимо от года, казалось, наслаждались ими. Этого нельзя сказать о каждом другом классе. В третий год Гарри, Рон и

Гермиона должны были выбрать два или три факультатива. Рон выбрал только два, взяв Гадание и Заботу о Магических Существах, в то время как Гарри выбрал три, присоединившись к Рону в своих двух, а также приняв Арифманию с Гермионой. Сама книжная червь, конечно, хотела взять каждый доступный класс. Летом она настолько издевалась над Макгонагаллом, что заместитель директора согласился, что в течение первого месяца школы Гермиона может чередоваться между

классами, чтобы почувствовать их, прежде чем выбрать максимум три. Сначала Гермиона была разочарована, но знала, что профессор больше не сдвинется с места, и поэтому согласилась. В конце концов она выбрала «Заботу о волшебных существах», «Арифмантию» и «Древние руны». Гадание оказалось шуткой, и после второго

класса, где учитель гадания, профессор Трелони, предсказал смерть Гарри, она вышла и не вернулась. Другой возможный факультатив, Muggle Studies, сначала очаровал Гермиону, думая, что он предложит волшебную перспективу в мире маглов, и хотя он сделал это до определенной степени, информация была настолько

устаревшей, а профессор настолько невежественным в том, как на самом деле работает мир маглов, что Гермиона сказала, что неудивительно, что волшебный мир

думает, что они делают с маглами, если это то, чему их учат.

Гарри согласился с мнением Гермионы о Гадании, но решил не переключаться. Класс был не только шуткой в том, как его учили, но и в работе, которую они должны

были сделать. С самого начала было не так много домашних заданий, и домашнее задание, которое они получали, они могли в основном придумать, что давало Гарри

дополнительное свободное время. Это было хорошо, так как это означало, что у него было время для всех дополнительных практик квиддича, которые запланировал Оливер. Капитан «Гриффиндора» был на седьмом и последнем году в Хогвартсе, что означало, что это был его последний шанс выиграть кубок, и он был полон

решимости сделать именно это. Дополнительные тренировки были запланированы каждую неделю, иногда дважды, и хотя каждый член команды любил квиддич, все они считали это чрезмерным, и Анджелина поклялась, что если Оливер немного не сдастся, она засунет его метлу в задницу.

Уход за магическими существами класса с Хагридом оказался лучше, чем кто-либо из них ожидал. По крайней мере, это произошло после того, как Малфой был поставлен на его место. Хагрид принес гиппогрифов, чтобы показать их для их первого урока, и, как обычно, Малфой и его приспешники дурачились сзади вместо

того, чтобы обратить внимание на урок. Тем не менее, они обратили внимание, когда Гарри непреднамеренно вызвался первым подойти к Бакбеку, одному из

гиппогрифов.

«Знал, что если бы Святой Поттер мог это сделать, это не могло бы быть так сложно». Было слышно, как Малфой громко говорил. Гарри закатил глаза со своего места

в соседнем паддоке, где Рон и Гермиона по очереди играли с другим гиппогрифом. «Держу пари, что ты совсем не опасен, ты великий уродливый зверь?» Гарри

хлестнул вокруг в едва достаточное время, чтобы увидеть удар Бакбека, это произошло так быстро. Малфой закричал и упал на землю, сжимая руку, гиппогриф

стоял над ним с распростертыми крыльями и свирепым взглядом в глазах. Хагрид быстро перешел к покорению Бакбека, но у Гарри была другая цель.

«Ты великий кровавый идиот, Малфой!» Он сердито ревел, даже когда вытащил свою палочку и волшебным образом вытащил пращу из куска разорванной одежды

Драко.

«Я умираю!» Малфой патетически стонал. «Я умираю, посмотри на меня! Это убило меня!»

«Ради Мерлина, заткнись!» Гарри зарычал, обхватив пращу вокруг руки Драко. «Ты не умираешь».

«Подождите, пока мой отец услышит об этом! Вы пожалеете об этом. Ты и твоя окровавленная курица!» Угрозы были тем, чего ждал Гарри.

«Скажи отцу все, что хочешь, но если ты думаешь на одну секунду, что что-то случится с Бакклювом или Хагридом, потому что ты глупо проигнорировал все, что он

сказал нам, чтобы держать нас в безопасности, то у тебя есть еще кое-что». Гарри вытащил Драко и почти поднес его к больничному крылу, где он прилип к боку Слизерина, как клей, под видом обеспокоенного друга; в конце концов, было хорошо известно, что наследник Малфоя и подопечный министра проводили много

времени вместе, взрослея. Люциус Малфой прибыл всего через час, с Корнелиусом на буксире, что несколько удивило Гарри. Он ожидал, что теперь он покинет патриарха Малфоя и должен будет написать Корнелию позже, чтобы обеспечить отсутствие дальнейших последствий. Однако работа с ними обоими сейчас

сэкономила бы ему некоторое время. —, Гарри! Корнилий приветствовал его радостно, в то время как приветствие Луция было гораздо более сдержанным. Драко перестал стонать в тот момент, когда

вошел его отец. Он не был выше того, чтобы доить свою травму за все, чего это стоило, но проявлять такую слабость перед отцом было неприемлемо.

«Корнелиус, мистер Малфой». Гарри поздоровался в ответ. «Я хотел заверить вас, мистер Малфой, что то, что произошло, было полностью несчастным случаем». — Несчастный случай? Он опасно шипел. «Вопиющее нападение на моего сына, это несчастный случай?» — Да. Видите ли, он назвал гиппогрифа «большим уродливым зверем», и хотя я не могу полностью винить его заявление, гиппогрифы не воспринимают любезно, когда их оскорбляют». Гарри объяснил.

«Гиппогрифы? Это опасные существа, мистер Поттер. Слишком продвинутый для группы из третьих лет». Луций не отступал.

«Не совсем так, сэр. Министерство классифицирует гиппогрифов как зверя третьего уровня, а это означает, что у любого компетентного волшебника не должно быть проблем с ними». Гарри тоже не отступал. «И поскольку они являются родными для Великобритании, мы вполне можем столкнуться с ними в дикой природе в один

прекрасный день, а это означает, что важно знать, как с ними бороться, и профессор Хагрид хорошо вписывается в учебную программу, чтобы научить нас о них, если он инструктирует нас о том, как это сделать. Что он и сделал», — настаивал Гарри, когда Люциус пошел прерывать. «Хотя я боюсь, что Драко здесь был настолько поглощен изучением своего текста, что пропустил некоторые инструкции, которые дал нам профессор Хагрид». — Там, Луций,

видишь? Корнелиус улыбнулся Гарри, явно гордясь им за то, что, как он видел, помогал другу. «Я сказал вам, что все это было недоразумением и что ни одно опасное существо намеренно не причиняло вреда молодому Драко здесь. И хотя я аплодирую твоему прилежному характеру, Драко, возможно, в следующий

раз было бы лучше сосредоточиться на тексте после того, как профессор закончит урок». Он вилял увещевающим пальцем на Драко. — Да, сэр. Это было сказано сквозь стиснутые зубы, хотя Корнелиус этого не заметил. Он также не заметил бликов, которые оба Малфоя посылали Гарри, в то время

как его подопечный невинно улыбался. Убийство Гарри Малфоя стало легендой в общей комнате Гриффиндора и быстро распространилось по всей остальной части школы. Гарри не заботился об этом, хотя он был просто рад, что Хагрид не столкнулся с какими-либо последствиями инцидента. Когда министр был убежден, что это был несчастный случай, это означало, что Малфой не мог просто подкупить или угрожать кому-то из Департамента по регулированию и контролю магических

существ, чтобы он делал то, что он хотел. Если бы Люциус попытался продвинуть этот вопрос, было бы, как минимум, проведено полное расследование, и Гарри был

уверен, что если это произойдет, то его показаний и остального класса, за исключением Слизеринов, будет достаточно, чтобы убедить следователей, что Хагрид принял необходимые меры предосторожности, а Драко просто проигнорировал их. То, что Малфойс пропустил инструкции, потому что он изучал текст, вместо того, чтобы настаивать на том, что это была его собственная вина, он получил травму, также помогло, поскольку это означало, что они спасли лицо, несмотря на то, что

вся школа быстро узнала правду.

http://tl.rulate.ru/book/61573/2342641